

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.8>

Непомнящих Наталья Алексеевна, Полторацкий Иван Сергеевич

ПОВЕСТЬ "ЭВНЫТО-ПАСТУХ" В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1930-Х ГОДОВ В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ

В статье рассматривается генезис корякской литературы в контексте национальных литератур малочисленных народов Севера и Сибири. Повесть первого корякского писателя Кецай Кеккетына "Эвныто-пастух" впервые анализируется в контексте социальной политики СССР 1930-х годов. Авторами статьи подробно проанализирован оригинал повести на корякском языке, а также изучены и прокомментированы все существующие переводы. Проведённая работа позволяет сделать вывод о смещении идеологических акцентов и искажении изначального художественного замысла Кецай Кеккетына.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.551.3

Дата поступления рукописи: 20.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.8>

В статье рассматривается генезис корякской литературы в контексте национальных литератур малочисленных народов Севера и Сибири. Повесть первого корякского писателя Кецай Кеккетына «Эвныто-пастух» впервые анализируется в контексте социальной политики СССР 1930-х годов. Авторами статьи подробно проанализирован оригинал повести на корякском языке, а также изучены и прокомментированы все существующие переводы. Проведённая работа позволяет сделать вывод о смещении идеологических акцентов и искажении изначального художественного замысла Кецай Кеккетына.

Ключевые слова и фразы: Кецай Кеккетын; младописьменные литературы; литературы народов Севера; корякская литература; повесть.

Непомнящих Наталья Алексеевна, к. филол. н.

Полторацкий Иван Сергеевич

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
rainbow_miracle@mail.ru; ipoltora@gmail.com*

ПОВЕСТЬ «ЭВНЫТО-ПАСТУХ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1930-Х ГОДОВ В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 17-78-20185
«Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».*

Вопросы художественной природы и генезиса литератур народов Сибири чрезвычайно актуальны для современных гуманитарных исследований в этой области, несмотря на то, что сих пор окончательно не определена даже базовая терминология, в рамках которой эти литературы считаются «национальными» или «младописьменными» [7, с. 124].

При разговоре о генезисе национальных литератур народов Сибири общим местом стало указание на два фактора: «С одной стороны, в историко-литературной перспективе речь по-прежнему идет об идеологических истоках: о резком разрыве с традиционным укладом, о поре ученичества и освоения / усвоения, что делает ранние тексты этнических литератур идеологически выверенными иллюстрациями к соцреалистической линии. С другой стороны, своеобразие литературных опытов северян усматривается сегодня исключительно в их фольклорно-эпических и мифологических ориентациях, в мифопоэтичности. При всей плодотворности наблюдений такой взгляд на этноэстетическую специфику не лишен односторонности, поскольку приводит к весьма упрощенным выводам» [2]. Принято считать, что в литературе народов Севера произошел линейный переход художественного сознания от фольклорного типа мышления к литературному [8, с. 25], что, используя фольклор, «литература приобретает новое функциональное свойство: она становится формой сохранения традиционного эпического фольклора, способом его консервации» [11, с. 101].

В настоящее время предлагается и другой взгляд на природу литературного творчества северян, в котором «литературный дискурс» рассматривается как «недавно освоенный способ “говорения этноса о себе”», поэтому национальная литература в таком ее понимании – «своеобразный медиум-проводник из прошлого в настоящее и из настоящего в прошлое, то есть ретранслятор в новых условиях основополагающей для этноса “культурной” памяти». Подразумевается, что «для такого “говорения” необходим самобытный коммуникативный потенциал – свой “язык”, не сводимый к фольклорным элементам или эпическим сюжетам, а выражающий семантику этнокультуры в ее целостности» [2].

Все эти позиции описывают ситуацию возникновения и функционирования национальных литератур Сибири с разных сторон, и каждая из них правомерна по-своему, но не сводима лишь к одному-единственному тезису и объяснению. Истоки любой национальной литературы прежде всего не без оснований видятся в фольклоре. Однако ситуация с появлением многих литератур народов Сибири такова, что первые национальные писатели в процессе обучения были ориентированы на образцы русской классической и советской литературы. В результате национальное, особенное, уникальное, воплощенное в фольклоре, облекается в формы, которые не были никогда известны национальной культуре. Общим свойством многих национальных литератур, их целеполагающей установкой и прагматической задачей, продиктованной социальным заказом, стала ориентированность по преимуществу на жизнь этноса, желание рассказать миру о той национальной культуре и образе жизни, который до того вообще не имел «голоса».

По сути, в XX веке в лице таких литератур появляется уникальный феномен, не имеющий аналогов: от имени целого этноса, не имеющего не только литературы, но и чаще всего даже собственной письменности, начинает говорить один или два (несколько) представителей, получивших специальное образование в Ленинграде. Иногда этот человек одновременно создает и письменность, и саму литературу на ней, как, например, Владимир Санги. Литература этноса становится соразмерна той личности, которая ее представляет, и писатель не может не ощущать весь груз ответственности в подобной ситуации. В аналогичной ситуации оказался первый корякский писатель Кецай Кеккетын, который наряду с другими студентами-коряками помогал лингвисту

и этнографу-североведу С. Н. Стебницкому в создании алфавита и письменности на корякском языке. В итоге Стебницкий стал первым переводчиком и редактором повестей Кецай Кеккетына.

Ситуация, в которой оказался первый корякский писатель, способствовала формированию в его сознании представления о необходимости создания национальной литературы: «Ещё в 1934 году мы учились на чавчувенском языке. На каждом уроке всё время спорили, как правильно писать слова. Другие говорили: по-оседлому. Я и Найнов Микуль – по-кочевому. Я начал думать и сказал: напишу-ка я книгу. Наконец летом 1934 года я увидел рассказ, – как жили батраки. Начал я создавать рассказ “Эвныто-батрак”. Думаю: тут все слова кочевников. Часть этого рассказа напечатали в газете “Инсовец”» [Цит. по: 1, с. 330]. Он сам начинает служить поставленной перед собой цели. Однако появление литературы – это всегда не путь одиночки, а закономерный процесс, обусловленный целый комплексом историко-культурных факторов, и одним из непрерывных условий которого будет насущная потребность в чтении, в литературе как культурном феномене. То есть общественный запрос необходим, а для его появления нужен достаточно высокий уровень грамотности и общей культуры хотя бы части общества – той, что способна стать ее «потребителем», то есть читательской аудиторией. Проще говоря, нужна готовность людей как писать, так и читать, чего у малого народа, проживавшего в крайне суровых условиях, попросту не было до начала 1930-х годов.

Объективных историко-литературных предпосылок для появления у коряков литературы в 1930-е годы еще не появилось: родовой строй, суровый климат, обусловивший жизнь в формате ежедневного выживания, что означает полную подчиненность людей первостепенной для них задаче – поддерживать бытовые условия, приемлемые для их ежедневного существования. Им круглосуточно необходимо сохранять в жилище огонь, вести хозяйство, заниматься оленями – всё это в совокупности не предполагает таких форм культуры, которые требуют наличия свободного времени как у их создателя – автора, так и у того, кому это искусство адресовано, потому нельзя было ожидать в этих условиях появления и развития художественной литературы. Устное народное творчество и шаманизм вполне удовлетворяли имеющиеся потребности. Кроме того, литература как тот вид искусства, где ярко выражено авторское начало, предполагает личностное участие и мировоззрение, выделяющее индивида из общего родового порядка вещей, предусматривает индивидуальный взгляд, осмысление и претворение в слове осмысленного и пережитого. И хотя сейчас существует идея о том, что писатель-северянин чаще всего говорит не только от своего лица, но и от лица этноса и окружающего его мира в целом, нельзя игнорировать тот факт, что само творчество каждого из них уникально и при всем типологическом сходстве имеет ярко выраженную авторскую окраску.

Советский «культпоход» и антирелигиозная кампания способствовали тому, что прежние формы бытования культуры были разрушены и вытеснены, кочевников пытались перевести на оседлое проживание, что в корне меняло их быт, традиции и род занятий, а взамен «сверху» было предложен просветительский идеологический проект, предполагавший ликвидацию безграмотности среди населения во многом за счет изучения русского языка. Появление школ, курсы для взрослых, культбазы, обучение национальной элиты для руководящих должностей на местах – в конечном счете, все эти мероприятия должны были не только полностью изменить сложившийся веками быт, традиции, но и помочь социальной адаптации новых советских граждан «с северных окраин». Идеологическое просветительство мыслилось как всеобщая унификация, но провозглашало благой целью повышение уровня жизни и объединение с другими братскими народами и народностями СССР. Причем процесс «приобщения» народов Сибири и Севера к передовой идеологии предусматривал и перевод их к оседлому образу жизни, и коллективизацию, и женскую эмансипацию, и даже овладение ими «благами цивилизации» на бытовом уровне. На справедливые возражения ученых-североведов о губительности многих затеянных мероприятий поборники идеологии выдвигали вполне предсказуемые для тех лет обвинения в противоборстве линии партии [10, с. 251].

Насколько все совокупно предпринятые меры в деле внедрения новой идеологии и нового быта считались важными, можно увидеть по характерным для тех лет акцентам в статье Д. К. Зеленина о народах Севера: в отдельном пункте о каждом этносе он выстраивает рассказ таким образом, чтобы подчеркнуть, как народы Севера «выросли» в культурном и бытовом отношении по сравнению с дореволюционным положением вещей [3]. Эта тональность сохранится впоследствии во всех советских изданиях, посвященных судьбам коренных народов Сибири. В книге «Народы Сибири» (1956) специально выделены параграфы для сопоставления ситуации настоящего времени и прошлого в пользу настоящего [5].

Появление литератур у коренных народов Сибири – вопрос не столько историко-культурный, сколько политический: созданные в одночасье, новые литературы позволили бы наглядно продемонстрировать, насколько быстрыми темпами коренные народы вливаются в общий поток, насколько эффективны новые социальные преобразования. Тем более, учитывая, что объектом изображения в произведениях становился герой, еще вчера живший в первобытных суровых условиях, по сути, дикарь, дитя природы, не знавший цивилизации, некогда служивший удобной мишенью для прежних царских эксплуататоров, – этот типаж был идеальной фигурой для того, чтобы стать новым героем: «Образцовая фабула соцреалистического произведения представляла собой историю преодоления отсталости, причем, с точки зрения некоторых советских иконографов, чем больше отсталость, тем резче фокус» [10, с. 329].

Вопрос о тех коренных переменах, которые принесла в жизнь малых народов Советская власть, неизбежно становился предметом рефлексии и творчестве писателей. Творчество Кецай Кеккетына не исключение, тем более что его повести создавались в период 1935-1939 годов – время, на которое пришелся если не сам пик различных преобразований в жизни коряков, то поворот к совершенно иному образу жизни, мысли,

социальной организации. В первой повести «Эвныто-пастух», которая в подстрочнике Стебницкого названа «Эвныто-батрак», речь идет о молодом пастухе по имени Эвныто, бедном, не имеющем своих оленей, а потому он вынужден быть в работниках у более богатого соплеменника: Эвныто пасет оленей, заботится о них, охотится на пушных зверей, занимается добычей рыбы – делает всякую сложную работу, постоянно находится с оленями на пастбище, присматривая за ними и днем и ночью, недосыпает, не видит жену и получает за свой труд пищу и другие самые необходимые для жизни его семьи небольшие блага. Работает он сутками, питается скудно остатками того, что перепадет от богача, одежда у него неважная, просвета и какой-то перспективы в будущем вырваться из замкнутого круга, где он все время как белка в колесе, у него нет.

Повествование четко делится на описание привычных трудовых действий, детальное и точное, почти этнографическое по своему характеру, и на рефлексии героя. В полной мере назвать изображенный в повести духовный мир героя целостным нельзя, читателю дано описание героя то словно со стороны, то от первого лица, что создает эффект присутствия. Есть в повести повторяемые постоянные сквозные высказывания-мысли героя, которые рефреном идут через всю повесть и подчеркиваются автором. Они касаются нарастающего раздражения героя царящей несправедливостью: он работает, устает, а получает худшие куски мяса, постоянно бывает обманут хозяином и даже несправедливо им оговорен перед начальством в погонах. Ничего не понимающий в происходящем пастух очень боится попасть в тюрьму, ведь представитель царской власти кричит на него после того, как хозяин Чачоль пожаловался на Эвныто, потому ему приходится подчиниться приказанию хозяина впредь охотиться и отдавать ему всю добычу, ничего не имея и не оставляя для себя. В повести подробно описано, как Эвныто уходит в тайгу на довольно продолжительное время добывать соболя, как ему не везет на охоте, как он потом занимается добычей рыбы, как пасет стадо в буран, как беседует с женой во время коротких побывок дома, как тяжело заболевает от переработок и холода, и как бесщедечен при этом Чачоль. После всех этих событий совершенно случайно, побывав в Тигиле, Эвныто узнает о смене власти. Вскоре представители большевиков приезжают в табун сами, разговаривают с людьми, собирают всех, избирают настоящий совет из представителей бедноты, и Эвныто становится его председателем вместо Чачоля, который обманным путем занимал этот пост до вмешательства прибывших на место «острошапочников». Эвныто едет учиться. Такова вкратце фабула повести.

В первом издании в русской версии Стебницкого (подстрочник) в самом начале повести проговорена ее сугубо практическая задача – рассказать о прежних временах и о тех переменах, что происходят в жизни коряков: «Здесь я пишу о том, как наши богачи обращались с бедняками при царе. Здесь я пишу о том, как Эвныто был угнетен при старом законе богачом. И как его потом избрали председателем при новом законе, и он начал учиться в Тигиле, чтобы хорошо новую жизнь строить» [Цит. по: 1, с. 24]. В последующих изданиях этот фрагмент был изъят из текста повести, по-видимому, как слишком прямолинейный отсыл к идеологической окраске эпохи. Несомненно, что основа повести – жизненный опыт писателя, но нельзя не заметить, что ее сюжет схож с аналогичным сюжетом устного народного творчества: бытовыми сказками об оленеводстве и работнике, оленном батраке: «Бытовой фольклор значительно беднее, он содержит по преимуществу рассказы о хозяине – богатом оленеводстве и работнике, оленном батраке» [9, с. 12].

В советских источниках ситуация была представлена примерно так же, как и в повести К. Кеккетына: «За свой тяжелый труд – пастьбу оленей – пастух получал от хозяина только мясо для еды и шкуры для одежды, причем размер этого вознаграждения целиком зависел от хозяина. В кочевье богача жило по несколько семей пастухов, экономически всецело зависимых от хозяина и во всем ему беспрекословно подчинившихся. Пастухи не могли без разрешения хозяина убивать оленей себе на мясо, потому им часто приходилось голодать. Помимо пастьбы оленей они выполняли и другие работы по хозяйству...» [5, с. 965]. События второй части повести как раз посвящены тому, как советская власть приходит не только в Тигиль, но и на отдаленное пастбище: власть Чачоля, обманом утвердившегося в роли председателя совета, будет свергнута, совет возглавит Эвныто.

Однако как раз вторая часть подверглась содержательной переработке во всех советских изданиях повести: и в обработке Рытхэу, и в обработке Дудинцева, причем финал у обоих абсолютно одинаковый. В версии Дудинцева и в версии Рытхэу в повести 16 глав. В оригинале – 17. В сравнении с подстрочниками С. Н. Стебницкого (1936) и Т. А. Голованевой (2018) видно, что повесть частично сокращена. У Дудинцева совсем выброшена из текста оригинальная глава 14, вместо нее идет сразу следующая, у Рытхэу она сохранена, но у него объединены 15 и 16 в одну с небольшим сокращением главы 15. У обоих абсолютно одинаково переиначен финал, три заключительных абзаца повести в их версиях дословно совпадают друг с другом, хотя весь остальной текст немного отличается. В издании 2010 года (Петропавловск-Камчатский) вариант повести совпадает по объему и содержанию с переводом Дудинцева, финал также дословно повторяется и совпадает с ним. Однако дудинцевский перевод в других частях книги стилистически отличается от текста обработки Дудинцева в других изданиях, в камчатском переиздании 2010 года текст получается еще более пространственным, отличает его также использование местами другой, чем у Дудинцева или Рытхэу, лексики, что позволяет говорить о том, что авторы, которые значатся в качестве переводчиков повести в этом издании, литературно его переработали. То, что в основе этого варианта перевода не было оригинального корякского текста, подтверждает тот факт, что настоящий финал повести авторам переделки неизвестен – финал повторен тот же, что у Дудинцева и у Рытхэу, слово в слово. К тому же корякский текст повести, который дан в этом издании, как установила Т. А. Голованева [1], является обратным переводом с русского языка – литературной обработки Дудинцева.

Итак, автором переделки финала, скорее всего, был Рытхэу, поскольку он раньше Дудинцева стал редактором повести: первое переиздание появилось в 1958 году, автором литературной обработки указан в нем

Рытхэу. О работе Дудинцева с повестью есть такое свидетельство: «Когда Дудинцеву уже совсем стало невмоготу, власть дала ему разовый заказ на перевод. В 1961 году писателю официально разрешили под своим именем отредактировать подстрочник написанной ещё до войны повести корякского писателя Кецай Кекектына “Эвныто-батрак”» [6].

Самое последнее камчатское переиздание также копирует советскую переделку, поэтому анализировать повесть необходимо по подстрочнику С. Н. Стебницкого. Финал Кецай Кекектына гораздо мягче и конкретнее в изображении тех деталей, которые описывают изменения, происходящие в стойбище после приезда Эвныто с учебы в Тигиле. В его тексте больше деталей, которые важны для понимания того, как коренное население воспринимало происходящее. Повесть уникальна тем, что пишется параллельно происходящим изменениям, пишется человеком, находящимся «внутри» событий, видевших всё собственными глазами. Она безыскусна, и в этом ее ценность как документа эпохи: по многим деталям можно судить о жизни коряков как накануне прихода советской власти, так и в тот момент, когда она уже укрепляется и становится повсеместной, можно видеть, насколько недоверчиво поначалу было коренное население, каким образом происходила смена власти, каким образом преодолевались прежние устои и традиции.

Возможно, что смена власти везде происходила по-разному, и где-то действительно не обходилось без серьезных столкновений, но репрессивных настроений по отношению к своим соплеменникам, судя по описанной в книге ситуации, у самого коренного населения не было. Немаловажной также является такая деталь: в оригинале повести Эвныто говорит о том, что нужно подождать несколько дней, пока придет «пишущий человек» из Тигили (секретарь), который запишет, кому из работников сколько оленей причитается за работу. «Пишущий человек» – это, разумеется, не коряк, а русский, который прислан проводить линию партии среди населения, какой-то начальник, чиновник. То есть распределение ресурсов производить будет не само общество, не бедняки-пастухи, а опять же пришлый, чужой человек, пусть и с их одобрения, но не свой. В переиздании этой детали нет. Там просто не рассказывается, а лишь в самых общих фразах предполагается, что дальше будет делать Эвныто.

Финал повести остается открытым: неясно, какое будущее ждет Эвныто, какой именно будет новая жизнь. Даны лишь общие смутные, но весьма оптимистичные очертания совместного ведения хозяйства. Причем оленеводы ничуть не сомневаются, что сохраняют свой исконно кочевой образ жизни. Но жизнь оказалась не во всем совпадающей с теми ожиданиями, которые высказаны Кецаем Кекектыном в книге от имени кочевников.

Список источников

1. Голованева Т. А., Непомнящих Н. А., Полторацкий И. С., Пронина Е. П. Повести первого корякского писателя Кецай Кекектына. Новосибирск, 2018. 360 с.
2. Гончаров С. О., Гончарова О. М. Этнокультурная самобытность автохтонного слова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/etnokulturnaya-samobytnost-avtohtonogo-slova-opyt-mladopismennykh-literatur-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka> (дата обращения: 26.03.2018).
3. Зеленин Д. К. Народы Крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции // Советская этнография: сборник статей / под ред. акад. В. В. Струве. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. С. 15-50.
4. Кекектын К. Эвныто Кояв'ьепылгыын (Эвныто-батрак) / на корякском языке; под ред. С. Н. Стебницкого. Л.: Изд-во детской литературы, 1936. 78 с.
5. Народы Сибири: этнографические очерки / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова; под общ. ред. члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1956. 1042 с.
6. Огрызко В. Выжить после травли [Электронный ресурс] // Литературная Россия. 2008. № 43. URL: <http://old.litrossia.ru/2008/43/03398.html> (дата обращения: 26.03.2018).
7. Полторацкий И. С., Силантьев И. В., Широкова Н. Н. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 124-131.
8. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера: истоки, становление, развитие. М.: Наука, 1988. 167 с.
9. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Наука, 1974. 646 с.
10. Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2017. 512 с.
11. Хазанкович Ю. Г. Фольклоризм повести Г. Кэптукэ «Имеющая имя свое, Джелтула-река» // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 3. С. 100-105.

THE STORY “EVNYTO-HERDSMAN” IN THE CONTEXT OF SOCIAL POLICY OF THE 1930S IN RELATION TO THE NORTHERN AND SIBERIAN INDIGENOUS PEOPLES

Nepomnyashchikh Natal'ya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Poltoratskii Ivan Sergeevich

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
rainbow_miracle@mail.ru; ipoltora@gmail.com

The article examines the genesis of Koryak literature in the context of the national literatures of the Northern and Siberian indigenous peoples. The story of the first Koryak writer Ketsai Kekketyn “Evnyto-Herdsman” is for the first time analyzed in the context of the USSR social policy of the 1930s. The authors analyze in detail the original Koryak version and comment on all the existing translations. The findings lead to the conclusion that a shift of ideological accents occurred and Ketsai Kekketyn’s original artistic intention was distorted.

Key words and phrases: Ketsai Kekketyn; newly scripted literatures; literatures of the Northern indigenous peoples; Koryak literature; story.